

УДК 392.1.

МАГИЧЕСКИЕ И ЗАЩИТНЫЕ ФУНКЦИИ ОДЕЖДЫ В ЧУВАШСКИХ РОДИЛЬНЫХ ОБРЯДАХ

© 2009 И.Г. Петров

Центр этнологических исследований Уфимского научного центра РАН

Поступила в редакцию 19.02.2009

В статье рассматриваются некоторые вопросы, имеющие отношение к одежде детей в родильных обрядах чувашей. Автор показывает, что в прошлом одежда ребенка благодаря особым ритуалам наделялась защитными и магическими свойствами. По народным представлениям, они помогали сохранить жизнь ребенку и обеспечивали ему благополучие.

Ключевые слова: чуваша, семейный быт, народная обрядность, одежда, обереги.

В последние десятилетия в отечественной этнологии наметился заметный поворот от изучения сугубо утилитарной сферы применения элементов материальной культуры к изучению глубинных аспектов их функционирования “в разные периоды истории общества и в различных этнических контекстах”¹. Внимание исследователей все больше привлекает проблема знаковой вещи, ее информативной нагрузки в различных ритуалах, этикете, мифологии, и в целом – проблема символического “языка вещей” в традиционной народной культуре. Если в зарубежных исследованиях по материальной и духовной культуре, ритуалу, мифологии, фольклору структурно-семантический, семиотический и другие методы стали вполне устоявшимися и привычными, то в отечественной этнологии в отношении изучения материальной культуры (в том числе одежды) эти подходы только начали применяться.

В этом контексте интересным представляется показать место одежды в родильной обрядности чувашей. Основное назначение комплекса данного вида обрядности – способствовать удачному исходу родов, обеспечить здоровье и благополучие новорожденному. По традиционным верованиям, строгое соблюдение обрядов, связанных с периодом беременности, родами и уходом за новорожденным, способствовало сохранению здоровья матери и ребенка, обеспечивало благополучие и счастье родившемуся ребенку в течение всей последующей жизни.

Большое место в родильной обрядности занимали различные магические приемы, которые должны были оградить ребенка от влияния злых сил, особенно в первые дни и годы жизни. Значительное место в этих приемах отводилось детской одежде. Как справедливо подчеркивает эт-

нолог П.П. Фокин, в ряде обрядов детства у чувашей непременным атрибутом является одежда (включая белье) или ее отдельные компоненты – отрез домотканого полотна, рубашка, чепчик, пуговицы, раковины-каури, нательный крест и т.д.² Повышенное внимание к действиям с одеждой младенца в обрядовой практике объясняется тем, что ребенок, особенно в первые 40 дней жизни, практически у всех народов воспринимался как существо слабо защищенное и нуждающееся в постоянной защите. Поэтому в этом контексте одежда ассоциировалась с еще одним действенным средством, которое должно было обеспечить такую защиту. Далее рассмотрим некоторые обряды детства, в которых в том или ином контексте используется одежда или отдельные ее элементы.

Важное значение в родильных обрядах чувашей придавалось действиям с плацентой (*ача кпи, ача кяпк, ача хыз*), поскольку полагали, что между плацентой и ребенком существует непосредственная связь. Плацента, как и пуповина, по народным представлениям, находилась в симпатической связи с ребенком, и от степени ее сохранности зависели здоровье, жизнь и судьба ребенка. По Дж. Фрэзеру, в плаценте пребывал дух-хранитель ребенка или часть его души³. По существу, плацента являлась первой (природной), а не сотворенной руками одеждой ребенка. Поэтому к последу относились с особым уважением и трепетом. Так, например, у чувашей бабка-повитуха мыла послед мылом, поворачивала его три раза по солнцу. Считалось, что если послед повернуть в обратную сторону, ребенок может умереть⁴. С соблюдением особых предосторожностей происходило запрягивание последа.

Если ребенок родился “в рубашке”, или “в сорочке” (*кпе*), это воспринималось хорошим предзнаменованием. Потому что дети, родившиеся в “рубашке”, у чувашей, как и у других народов, считались обладателями счастливой судьбы. В соот-

Петров Игорь Георгиевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник.
E-mail: ipetrov62@yandex.ru.

ветствии с народными представлениями “рубашка” воспринималась в качестве природной оболочки, способной защитить ребенка и обеспечить ему счастливую долю. Такую рубашку обычно высушивали и хранили в сундуке в потайном месте вместе с остальным бельем. Считается, что такая рубашка является действенным оберегом для ее хозяина – ее брали с собой в дальнюю дорогу, когда провожали в армию, когда хозяин рубашки или кто-нибудь из близких родственников отправлялся на судебное разбирательство.

В дальнейших обрядах младенческого цикла на первый план выходят обряды с рубашкой (*кле*) в непосредственном ее значении – рубашки, сделанной из холста или ткани. В этом контексте обращает на себя внимание широко распространенный другой обряд заворачивания только что родившегося ребенка в старую ношеную рубашку дедушки или отца (если ребенок мальчик) или в рубашку бабушки или матери (если ребенок девочка). Иногда для этих целей использовали пеленки, сделанные из старых рубах взрослых членов семьи. Следует заметить, что заворачивание ребенка в рубаху родителей (чаще отца) – общераспространенный обычай у многих народов Европы и Азии.

Несмотря на свою обыденность, данный обряд глубоко символичен. Во-первых, он был призван “закрепить” пол ребенка, т.к. мальчика заворачивали в рубашку дедушки или отца, а девочку – в рубашку бабушки или матери. В одном ряду с этим обрядом стоит другой – распространенный среди чувашей и других народов обычай отрезания пуповины девочек ножницами, а мальчика – ножом на топорнице⁵. Русские перерезали или перерубали пупок “на топоре или другом мужском инструменте у мальчиков, на веретене или прялке – у девочек”⁶. По мнению Т.А. Бернштам, подобного рода действия с пуповиной и последом являются знаками половой идентификации и направлены на закрепление за новорожденным занятий, символизирующих мужские или женские виды работ⁷.

Во-вторых, ритуал являл собой первоначальный и очень важный акт приобщения ребенка к семейно-родственному коллективу, который закреплял переход ребенка из новорожденного состояния в статус полноправного члена человеческого коллектива.

В-третьих, рубашка родителей или старших родственников в данном контексте выполняла одновременно охранительную и побудительную функции. Потому что здесь одежда выступает в качестве защитного покрова, имеющего непосредственную связь со взрослыми, и как одежда, побуждающая новорожденного жить “в добром здравии до старости”⁸, как жили бабушка или де-

душка. В других вариантах подобный акт с одеждой объясняется стремлением “перенести” на ребенка положительные качества родителей, чтобы новорожденный был похожим на них – здоровым, красивым, прилежным, работающим и т.д.

Интересно отметить, что в литературе и других источниках подчеркивается, что одежда, в которую заворачивали или пеленали ребенка, должна быть ношеной, т.е. не новой и нестиранной. С одной стороны, в таком действии усматривается вполне рациональная и практическая цель: это было дешевле, чем изготовить новое, и, кроме того, старая одежда была более мягкой и безопасной для ухода за ребенком. С другой – выраженную защитную функцию в данном случае выполнял пот, запах родителей, которые оставались на рубашке. У восточнославянских народов, в частности русских, при проведении такого обряда также использовалась нестиранная одежда отца ребенка. Стирать такую рубашку не полагалось, потому что “смоется отцовская любовь”⁹. Т.Г. Миннихметова, ссылаясь на зарубежные источники, по этому поводу отмечает, что любые выделения из человеческого организма (слюна, пот и т.д.), являясь маргинальными веществами, во многих культурах считаются символами опасности и силы¹⁰. Таким образом, можно утверждать, что рубашка родителей с сохранившимся на ней потом, запахом в данном обряде имеет вполне выраженную апотропеическую и продуцирующую символику и своим истоком восходит к обрядам контактной магии. Одежда отца или матери в данном контексте не только защищала новорожденного от невидимых и воображаемых бед, но и наделяла ребенка счастливой долей, возможностью дожить до зрелого возраста, до старости. П.Г. Богатырев, отмечая магическую силу, которую придавали рубахе крестьянки Моравской Словакии, считал рубаху, прилегающую к телу, проводником магической силы, скрытой в нагом теле¹¹. С другой стороны, через одежду родителей устанавливалась важная, жизненно необходимая связь между ребенком и родителями, происходило поэтапное включение новорожденного в семью.

Сведения о том, когда на ребенка впервые надевали рубаху, довольно разноречивы. Вероятно, это является следствием отсутствия единого для всех чувашей обычая. Тем не менее, часто указывается, что рубашку на ребенка надевали через шесть недель или спустя 40 дней. До этого времени чуваше повсеместно придерживались обычая пеленания детей. Кроме того, в течение 40 дней из-за боязни сглаза, порчи и прочих недугов новорожденного не было принято показывать посторонним лицам. Такой запрет налагался в отношении детской одежды и пеленок в том числе. Осте-

регаясь сглаза, одежду ребенка старались не оставлять без присмотра, особенно в бане. Из опасения, что в одежду ребенка могут “вселиться” злые силы и болезни, в течение 40 дней выстиранное детское белье и пеленки женщины предпочитали сушить дома, а не на улице.

В последующие годы жизни (главным образом, в период младенчества) неизменным атрибутом одежды ребенка становились различные обереги и амулеты. Обереги были в основном пришивными и крепились на головных уборах и одежде. Чаще всего в качестве украшений-оберегов использовались бусины различных цветов, яркие пуговицы, монеты. По народным представлениям, такие предметы предохраняли от сглаза – злая сила, исходящая из глаз недоброжелателя, должна задержаться на них и таким образом рассеяться в пространстве, не причинив вреда ребенку. В качестве действенного оберега повсеместно использовались раковины-ужовки или раковины-каури (*хурткуззи*, *хуртпуззи*). Для защиты от сглаза к одежде пришивали также жетоны, бляшки, цепочки и прочие предметы – все, что имело замысловатую форму и броскость.

Функции оберегов выполняли также острые или режущие металлические предметы (булавки, иголки, ножницы, нож, косарь, металлический резец от деревянного плуга, гвоздь и т.д.), призванные обеспечить ребенка от опасности или уничтожить ее. Магические свойства таких предметов усиливались за счет железа, из которого они изготовлялись. Благодаря своей твердости и прочности железо во многих культурах причисляется к универсальным оберегам. Их втыкали в одежду, а другие прятали под подушку, матрац или подвешивали к зыбке. В ряде случаев в качестве оберегов применялись колючие предметы. Чуваши для таких целей использовали траву-оберег *ийе кургк* (букв. “травка Ийе”), можжевельник¹², круглую щетку для расчесывания худели *шгрт*¹³.

Другим действенным способом защиты ребенка от сглаза у чувашей было привязывание к его запястью шерстяной нити, окрашенной в красный или другой яркий цвет. Р.А. Султангареева считает, что нить в мифологии тюрков ассоциируется с солнечным лучом – жизненным началом и семантически с дорогой, ведущей в небо¹⁴. Использование оберегов и амулетов в детской одежде было широко распространенным явлением у различных народов и получило достаточное освещение в этнографической литературе. Каждый из этих предметов-оберегов, в зависимости от цвета, формы, материала, несет различную смысловую нагрузку.

Достаточно активно одежда использовалась в магических манипуляциях, направленных на из-

лечение детей от различного рода мнимых или действительных болезней и недугов. Все действия при проведении таких обрядов и приемов были нацелены на изгнание болезней и злых сил не только из тела ребенка, но и из его одежды, в которой они, по суеверным представлениям, могли задержаться и стать причиной недуга. Здесь мы наблюдаем достаточно интересный феномен, когда одежда человека (в данном случае ребенка) становится его “заместителем”, с которым в лечебно-магических целях совершались разного рода манипуляции. Так, для излечения детского худосочия (*ача ниш*), по сообщению В.К. Магницкого, ребенка “просовывали сквозь расщепленный с помощью клина дубовый рычаг и притом так, чтобы рубашка с ребенка сорвалась и осталась в расщелине”. Впоследствии эту рубашку осиновым колом втыкали в передний угол избы¹⁵. В других вариантах рубашку с ребенка после сеанса лечения относили к реке и полоскали в проточной воде, чтобы болезнь “оставила” рубашку и навсегда ушла по течению реки¹⁶. В некоторых случаях белье или одежду с больного ребенка снимали и выбрасывали, а взамен одевали новое белье или заворачивали в новые пеленки.

Аналогично поступали при лечении ребенка, заболевшего от воздействия злого духа *ийе*. Для излечения от этой болезни женщина-ворожея (*юмгз*) проводила обряд очищения (*ий икерчи*), на конечном этапе которого, произнеся лечебный наговор, обмывала ребенка речной водой, после чего одевала в новое белье, а старое выбрасывала. Зыбку, в которой лежал больной ребенок, таким же способом мыли в реке или предавали огню¹⁷.

Примерно в таком же контексте проводилось излечение от *сиенташ* – недомогания, когда у ребенка болят внутренности, случаются припадки, он теряет сознание и способность говорить¹⁸. Примечательно, что в лечении от *сиенташ* мог принять участие только человек из чужого рода – *ют зын*. В одном из описаний лечения болезни говорится, что этот человек должен был подойти к больному ребенку и снять с него рубашку, “как это делается обычно при обращении с усопшими: разорвать рубашку на груди. После снятия таким образом *кпе* (рубашка – *И.П.*) следует отнести в лес на дерево”¹⁹. Как можно заметить, в этих и других обрядах одежда заменяет одновременно дух болезни, а также тело и душу больного ребенка. В других селениях, чтобы ввести в заблуждение нечистую силу и болезни, на ребенка надевали безобразно сшитое платье или платье чужого ребенка²⁰.

Иногда действия по изгнанию болезни проводили над одеждой человека, от которого она якобы исходит. Одним из способов лечения ребенка от сглаза было окуливание с помощью дре-

весного гриба одежды человека, который его сглазил или нанес порчу. Такое действие достаточно было провести над фрагментом или кусочком его одежды²¹. Аналогичный способ излечения от сглаза бытует среди закамских удмуртов. Для этого незаметно отрывали какой-нибудь кусок одежды такого человека, поджигали его и под текст наговора обводили вокруг ребенка²².

Достаточно интересным и своеобразным в этом отношении является т.н. обряд *пр кун кпи* (букв. рубашка одного дня), сохранившийся вплоть до наших дней среди чувашей Закамья и Причеремшанья. В этнографической литературе данный обряд получил освещение в работах П.П.Фокина, О.В.Егоровой, Г.Б.Матвеева²³. Проводился он в семьях, где часто умирали дети (в настоящее время, если младенец болеет или чтобы не болел в будущем). Смысл обряда заключается в приготовлении в течение одного светового дня (до захода солнца) особой детской рубашки. В приготовлении рубашки должны были принять участие семь женщин, которые по отдельности выполняли семь условных стадий работы: 1) мяли коноплю (посконь, лен); 2) толкли волокна в ступе; 3) расчесывали кудель; 4) пряли; 5) стирали нити и высушивали; 6) заправляли стан и ткали; 7) кроили и вручную шили рубашку²⁴. После завершения работ нужно было успеть надеть эту рубашку на ребенка, но обязательно до захода солнца. Рубашку надевала мать ребенка или самая старшая в семье женщина. При одевании рубашки произносилось традиционное, но достаточно архаичское пожелание: “*Кпи злттр (зртр), пуз юлтгр!*” (Пусть рубашка изнашивается (истлеет), а голова останется!). В настоящее время это пожелание произносят при одевании на ребенка любой новой одежды. В этом свете интерес представляет оригинальное замечание А.Л. Топоркова, согласно которому “ношение одежды представляется подчас как своеобразный обмен с человеком: одежда выпцвевает, ветшает, передавая человеку свою прочность и красоту”. Примечательно, что такое же магическое пожелание произносили в Орловской губернии, одевая новую рубаху: “Рубахе веттошеть, а Ване толщеть”²⁵. Количество участниц обряда, по мнению П.П. Фокина, имеет прямое отношение к сакральному числу “семь” и было призвано “семикратно увеличить силу противодействия духам, насылающим болезни”²⁶. Как и в случае заворачивания ребенка в рубашку старших родственников, в данном обряде обращает на себя внимание то, что “рубашку одного дня” одевает самая старшая в семье женщина. Вероятно, такая церемония проводилась с целью пожелания ребенку долголетия.

Несмотря на узколокальное бытование, опи-

санный выше обряд имеет близкую параллель с обрядом изготовления т.н. обыденных предметов, имеющих место в традиционной обрядности славянских народов. В качестве таковых у русских и других родственных им народов выступали холст, полотенце, рубаха, деревянный крест, церковь, которые изготовлялись по обету или для защиты от стихийного или другого бедствия – засухи, града, мора, войны и т.д. Как отмечает С.М. Толстая, сакральность и магическая сила обыденных предметов достигалась полнотой, завершенностью всего процесса и его “спрессованностью” во времени²⁷. Например, у сербов, как только становилось известно, что будет война, в полночь собирались девять старух и до утренней зари в полном молчании ткали полотно и шили из него рубаху. Через эту рубаху потом должны были пролезть все мужчины, кто уходил на войну. По народным поверьям, это должно было защитить их от смерти. Другой знаток восточнославянской мифологии и народной обрядности Т.А. Бернштам смысл и значение слова “обыденная новина” усматривает в мифологическом представлении о сотворении нового – молодого взамен старого, в стремлении таким образом “дать новую жизнь явлению отмирающему или зараженному недугом, опасностью и т.п.”²⁸.

Одним из главных атрибутов одежда ребенка является в крестильной обрядности. Крещение – сравнительно поздний обряд в семейной обрядности чувашей. Он сложился только в XVIII–XIX вв., с христианизацией и распространением среди них православных ритуалов, в том числе обычая назначения крестных родителей. К обряду крещения ребенка готовились все родственники новорожденного. Важная роль в проведении обряда крещения отводилась крестным родителям. Согласно традиции, крестная готовила для новорожденного крестик, белую рубашку, а также кусок холста или другого материала, на который она принимала ребенка после крещения. Как и у большинства других народов, после крещения девочку на руки принимала крестная мать, а мальчика – крестный отец. Существовал специальный обряд надевания сорочки – *ача кпи тгхгнтарни*, который, как правило, проводился или во время торжества в честь новорожденного, или на какой-либо семейной пирушке²⁹. Есть основания полагать, что одевание ребенка в обряде крещения проводилось с той же защитной целью, что и в других обрядах, рассмотренных выше. По представлениям чувашей, “рубашка крестного обеспечивает благополучие ребенка не только в реальной жизни, но в потустороннем мире... человек, которому крестный не подарил рубашку, на том свете будет мыкаться голым”³⁰.

Таким образом, все обряды и магические приемы с использованием одежды в родильной об-

рядности чувашей сводятся к трем основным функциям: защите младенца от различных сверхъестественных отрицательных воздействий; магическому очищению и пожеланию здоровья и благополучной жизни. Эти три идеи составляют существо многих семейных обрядов, в том числе родильных.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- ¹ Цит. по: *Байбури А.К.* Семиотические аспекты функционирования вещей // Этнографическое изучение знаковых средств культуры: Сб. ст. / Отв. ред. А.С. Мильников. М., 1989. С. 63.
- ² *Фокин П.П.* Рубашка-оберег младенца // Этнология религии чувашей: Сб. ст. Чебоксары, 2003. Вып. 1. С. 59.
- ³ *Фрэзер Дж.* Золотая ветвь: Исследование магии и религии. М., 1980. С. 52.
- ⁴ *Никольский Н.В.* Народная медицина у чуваш // Никольский Н.В. Собр. соч.: Труды по этнографии и фольклору чувашского народа. Т. 1. Чебоксары, 2004. С. 327.
- ⁵ *Ашмарин Н.И.* Словарь чувашского языка (далее СЧЯ). Вып.2. Чебоксары, 1929. С. 156.
- ⁶ Цит. по: *Салмин А.К.* Система религии чувашей. СПб., 2007. С. 200.
- ⁷ *Бернштам Т.А.* Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX – начала XX в. М., 1988. С. 55.
- ⁸ *Егорова О.В.* Родильные обряды и поверья у чувашей // Этнология религии чувашей. Вып. 1. С. 46.
- ⁹ *Маслова Г.С.* Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX – начала XX в. М., 1984. С. 103.
- ¹⁰ *Миннихметова Т.Г.* Традиционные обряды закамских удмуртов: структура, семантика, фольклор: Дис. ... д-ра философии по эстонской и сравнительной фольклористике. Тарту, 2003. С. 20, 50.
- ¹¹ *Богатырев П.Г.* Вопросы теории народного искусства. М., 1971. С. 315; *Маслова Г.С.* Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах. С. 128.
- ¹² *Салмин А.К.* Система религии чувашей. С. 211.
- ¹³ *Фокин П.П.* Обереги для младенца у чувашей // Проблемы культурогенеза народов Волго-Уральского региона: Материалы межрегиональной научной конференции / К 25-летию Музея археологии и этнографии ЦЭИ УНЦ РАН. Уфа, 2001. С. 246.
- ¹⁴ *Султангареева Р.А.* Семейно-бытовой обрядовый фольклор башкирского народа. Уфа, 1998. С. 36.
- ¹⁵ *Магницкий В.К.* Материалы к объяснению старой чувашской веры. Казань, 1881. С. 140.
- ¹⁶ *Никольский Н.В.* Народная медицина у чуваш // Никольский Н.В. Собр. соч.: Труды по этнографии и фольклору чувашского народа. Т. 1. С. 329.
- ¹⁷ *Дмитриев И.А.* К истории взаимосвязей народного обрядового и профессионального театрального искусств // Чувашское искусство. Вопросы теории и истории. Чебоксары, 1996. Вып. 2. С. 113-162; *Дмитриев И.А.* Этнотеатральные формы в чувашском обряде. Чебоксары, 1998. С. 216–217.
- ¹⁸ *Ашмарин Н.И.* СЧЯ. Вып. 11. Чебоксары, 1936. С. 126.
- ¹⁹ Цит. по: *Дмитриев И.А.* Этнотеатральные формы в чувашском обряде. С. 209-210.
- ²⁰ *Егорова О.В.* Дети в похоронно-поминальной обрядности чувашей // Проблемы этнокультурного взаимодействия в Урало-Поволжье: история и современность: Мат-лы и тез. докл. Межрегион. науч.-практ. конф. (27–29 окт. 2006 г., г. Самара). Самара, 2006. С. 154.
- ²¹ Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (НА ЧГИГН). Отд. 1. Ед.хр. 159. Л. 87-88.
- ²² *Миннихметова Т.Г.* Традиционные обряды закамских удмуртов. С. 49.
- ²³ *Фокин П.П.* Рубашка-оберег младенца // Этнология религии чувашей. Вып. 1. С. 61–64; *Фокин П.П.* Обереги для младенца у чувашей // Проблемы культурогенеза народов Волго-Уральского региона. С. 246-247; *Егорова О.В.* Родильные обряды и поверья у чувашей // Этнология религии чувашей. Вып. 1. С. 51; *Егорова О.В.* Дети в похоронно-поминальной обрядности чувашей // Проблемы этнокультурного взаимодействия в Урало-Поволжье: история и современность. С. 154; *Матвеев Г.Б.* Экспедиция на Черемшан (Праздники и обряды чувашей) // Этнология религии чувашей. Вып. 1. С. 136.
- ²⁴ *Фокин П.П.* Рубашка-оберег младенца // Этнология религии чувашей. Вып. 1. С. 62; *Фокин П.П.* Обереги для младенца у чувашей // Проблемы культурогенеза народов Волго-Уральского региона. С. 247.
- ²⁵ *Топорков А.Л.* Символика и ритуальные функции предметов материальной культуры // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. Л., 1989. С. 98.
- ²⁶ *Фокин П.П.* Рубашка-оберег младенца // Этнология религии чувашей. Вып. 1. С. 64.
- ²⁷ *Толстая С.М.* Обыденные предметы // Славянская мифология: Энциклопедический словарь. М., 1995. С. 281-282.
- ²⁸ *Бернштам Т.М.* Молодежь в обрядовой жизни русской общины. С. 163.
- ²⁹ *Фокин П.П.* Рубашка-оберег младенца // Этнология религии чувашей. Вып. 1. С. 60.
- ³⁰ *Фокин П.П.* Рубашка-оберег младенца // Этнология религии чувашей. Вып. 1. С. 60.

MAGIC AND PROTECTIVE FUNCTIONS OF GARMENTS IN CHUVASH PUERPERAL RITUALS

© 2009 I.G. Petrov

Center for Ethnological Studies, Ufa Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

The article deals with some problems relating to children's garments in the Chuvash puerperal rituals. Author shows that in the past these garments gained magic and protective qualities through special rituals. According to public beliefs they helped to save a life of a child and guaranteed his or her wellbeing.

Key words: Chuvashs, family life, traditional rituals, garments, amulets.